

Голая неправда

«MASCULIN/MASCULIN» В МУЗЕЕ ОРСЕ

Алексей Тарханов

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

В МУЗЕЕ Орсе открылась выставка «Masculin/ Masculin. L'homme nu dans l'art de 1800 a nos jours» — про мужскую наготу в искусстве. Она похожа на ту, что состоялась год назад в Leopold Museum в Вене. Но, как подчеркивает директор парижского музея Ги Кожеваль, из 200 работ, выставленных в Орсе, лишь 20 уже показывались в Вене. Правда, среди этих двадцати — вызвавшая в Вене скандал (там она была на афише) фотография Пьера и Жили «Vive la France». На ней изображены трое мужчин с разным цветом кожи: афрофранцуз, арабофранцуз и франкофранцуз — выстроившиеся на игровом поле и одетые лишь в футбольные гольфы. Авторы стремились показать, что черты и выражения лиц повторяются в чертах и выражениях членов, но венская публика игры не оценила, подняла скандал и на афишу приклеили общий фиговый лист. В Орсе эту фотографию, понятно, не цензурировали, но и на афишу уже не поставили. На плакатах в Париже — тоже Пьер и Жиль, но с куда более скромным, отвернувшимся от зрителя Меркурием в крылатом шлеме (2001) в паре с классическим «Пастухом» Жан-Батиста Фредерика Демаре (1787). Что вполне соответствует названию: «Обнаженный мужчина в искусстве с 1800 года до наших дней». Ги Кожеваль мечтал о такой выставке еще с тех пор, когда он руководил Музеем изящных искусств Монреала. Но тогда ему деликатно намекнули, что делать этого не стоит. Во Франции же в этом году бушевали страсти вокруг закона о гомосексуальных браках.

Демонстрации «за» и «против» только что отшлагали по Парижу, и в инициативу Орсе никто не стал вмешиваться: себе дороже. Тем более что директор раз десять объяснил, что выставка эта как раз ни за, ни против, и музей не гонится за актуальностью. Проект якобы чисто художественный: «Если женские ню показывались регулярно, то мужское тело было не в чести, люди стеснялись на него смотреть». Перетряхнув запасники и добавив работы из других музеев, кураторы, хотели они этого или нет, получили забавную и поучительную картину. Если для женщины красоваться голой было более чем естественно, то мужчине предстать без трусов позволялось лишь в нескольких строго определенных ситуациях Во-первых, если он святой. Какие тут могут быть претензии. На пример, «Святой Себастьян» Гвидо Рени. На него, как известно, любовались с давних времен, подозревая в его мучениях сладость иных мук. Во-вторых, если он мифологический персонаж. Никто ж не виноват в том, что античные воины могли бросаться в бой в чем мать родила. Так что совершенно естественно, что когда Жак Луи Давид рисует голого человека, то называет его Патроком (тем любезным другом Ахилла, из-за которого он прибил Гектора). Причем нагота здесь достаточно скромна, и когда на картине Луи-Винсент-Леона Пальера «Улисс и Телемах убивают женихов Пенелопы» обнаженные женихи умирают с особой пристойностью, прикрыв то, что они на свою беду предлагали добродетельной жене. Вот еще одна уважительная причина — это смерть. Мертвые сраму не имут. И как